

соотнесена с высокопродуктивной топоосновой *кумс-* / *кумз-* / *куми-* / *кумж-*, связанной с фин. *kumsi* 'один из видов форели', карел. *кутрби* 'небольшой озерный лосось; малек лосося' [SKES, 238]. Аффриката на месте приб.-фин. свистящего или шипящего – черта саамского языка, ср. саам. *givsse* 'таймень', *kuvse* 'форель' [SKES, 238]. Таким образом, как и в случае с названием *Чиглоним*, топоним *Кумчужурья* следует считать принадлежащим неизвестному ныне финно-угорскому языку, совмещающему прибалтийско-финские и саамские черты, однако «ихтиологическое» значение названия вполне очевидно.

Топонимия финно-угорского происхождения, в отличие от исконно русской топонимии, отражает главным образом лексику, связанную с рыболовством. Названия, указывающие на промысел морского зверя, не дошли до наших дней, а возможно, и не существовали. С долей сомнения к таким топонимам можно отнести лишь название речного залива *Янжурья*, ср. фин. *jänö*, карел. *jänö*, ливв. *jänöi*, люд. *jänizz*, вепс. *jänjo* 'заяц' [SKES, 130]. В силу географического положения залива маловероятна связь названия с лесным зайцем: возможно, в языке-источнике, как и в русском языке (см. выше), на приморской территории у этого слова развилось значение 'тюлень, морской зверь' («морской заяц»). Заманчиво было бы связать с промысловой лексикой название ур. *Херпинское*, ср. фин. *herppa* 'разновидность тюленя', однако исследователи прибалтийско-финской топонимии связывают основу *херп-* с архаичным финским антропонимом *Herppa* (< фин. *herppa* 'тюлень' или вепс. *hörpotada* 'болтать, молотить языком')¹. В нашем случае антропонимическая версия более вероятна, поскольку, как свидетельствуют исторические источники, на месте урочища некогда находилась деревня.

Как можно предполагать, в названиях, зафиксированных на территории двинских устьев, отражены многие характерные для всего Архангельского Поморья закономерности топонимического функционирования промысловой терминологии, хотя этот вопрос, безусловно, требует дальнейшего изучения.

Ю.Б. Воронцова

К ВОПРОСУ О НОМИНАТИВНОЙ ДИСТРИБУЦИИ КОЛЛЕКТИВНЫХ ПРОЗВИЩ РУССКОГО СЕВЕРА

В ходе ономазиологических исследований иногда наблюдаются такие ситуации, когда осваиваемые в ходе номинации объекты действительности неравномерно отражаются на номинативной карте, т.е. соотношение объектного и языкового рядов можно охарактеризовать как асимметричное (объектный ряд потенциально может полностью коррелировать с языковым, когда каждому объекту действительности присваивается свое имя; в реальной ситуации языковой ряд содержит обширные лакуны). В таких случаях можно говорить о своеобразной номинативной дистрибуции, под которой следует понимать особенности распределения объектов номинации в рамках определенного номинативного пространства. Задача настоящей статьи – представить анализ механизмов номинативной дистрибуции коллективных прозвищ на территории Русского Севера (Архангельская и Вологодская области) [далее РС]. В качестве материала для исследования были использованы полевые записи Топонимической экспедиции Уральского университета.

¹ См. об этом: Муллонен И.И. О вепсской антропонимии (опыт топонимической реконструкции) // Советское финно-угроведение. 1988. № 4. С. 271–283.

Данные приведенной ниже таблицы демонстрируют неравномерный характер распределения коллективных прозвищ на территории районов РС. Выделяются зоны высокой номинативной плотности, например северные районы Архангельской области (Лешуконский, Мезенский, Пинежский, Приморский, Холмогорский районы), а также зоны номинативной разреженности.

Районы Архангельской области	Количество прозвищ	% от общего числа	Районы Вологодской области	Количество прозвищ	% от общего числа
Вельский	41	12	Бабаевский	12	4
Верхнетоемский	11	3	Бабушкинский	27	8
Вилегодский	17	5	Белозерский	33	10
Виноградовский	1	0,3	Вашкинский	46	14
Каргопольский	26	8	Великоустюгский	29	9
Коношский	15	5	Верховажский	16	5
Котласский	8	2	Вожегодский	7	2
Красноборский	1	0,3	Вологодский	6	2
Ленский	2	1	Вытегорский	11	3
Лешуконский	29	9	Грязовецкий	4	1
Мезенский	29	9	Кирилловский	22	7
Няндомский	5	2	Кичменгско-Городецкий	15	5
Онежский	5	2	Междуреченский	3	1
Пинежский	20	6	Никольский	21	6
Плесецкий	6	2	Нюксенский	12	4
Приморский	28	8	Сокольский	31	9
Северодвинский	11	3	Усть-Кубинский	20	6,5
Устьянский	38	12	Устюженский	3	1
Холмогорский	20	6	Харовский	6	2
Шенкурский	17	5	Чагодощенский	7	2
			Шекснинский	2	1
Итого	330		Итого	333	

Эти данные были бы непоказательными, если б не был учтен следующий момент: административные районы могут существенно различаться по количеству возможных объектов номинации, т.е. коллективов жителей, проживающих в определенных населенных пунктах. Поэтому следует выяснить, не зависит ли плотность номинативной дистрибуции только от такого «бытийного» фактора, как количество населенных пунктов.

В следующей таблице представлено распределение коллективных прозвищ и их денотатов в нескольких районах Русского Севера, обстоятельно обследованных Топонимической экспедицией в последнее десятилетие, исходя из чего приведенные данные можно считать заслуживающими особого внимания¹:

¹ Данные приводятся по справочникам: Архангельская область: Административно-территориальное деление (по состоянию на 1 июля 1969 г.). Архангельск, 1970; Вологодская область: Административно-территориальное деление (на 1 января 1973 г.). Вологда, 1974.

Район РС	Кол-во населенных пунктов	Кол-во коллективных прозвищ
Лешуконский (Арх)	70	29
Мезенский (Арх)	64	29
Приморский (Арх)	238	28
Вологодский (Влг)	1160	6
Нюксенский (Влг)	186	12

Эти примеры демонстрируют отсутствие прямой связи между количеством поселений и соответственно прозвищ их жителей. В чем же состоят причины такой неравномерной дистрибуции массива коллективных прозвищ по территории РС?

Полученная картина, по нашему мнению, зависит как от объективных, так и от субъективных причин. Более значимы, разумеется, объективные причины; прежде чем перейти к их описанию, охарактеризуем кратко **субъективные факторы**, обусловившие неравномерность распределения анализируемого номинативного материала в разных районах РС. Известно, что качество и количество собираемого в ходе полевых работ материала напрямую зависит от условий сбора. В частности, отсутствие в материалах данных по Кадуйскому, Череповецкому, Тотемскому, Тарногскому районам Вологодской области, Ленскому району Архангельской области, возможно, может быть объяснено тем, что во время проведения полевых работ на соответствующих территориях участники экспедиции не занимались направленным сбором прозвищного антропонимического материала.

Обратимся к анализу **объективных факторов** номинативной дистрибуции.

1. Высокая номинативная плотность обнаруживается, в частности, в пяти северных районах Архангельской области: Мезенском, Лешуконском, Приморском, Пинежском, Холмогорском. Думается, что это обусловлено причинами экстралингвистического характера, которые можно обозначить как *социально-бытовые*. Во-первых, на этих территориях сложился особый тип хозяйствования, который напрямую связан с природными и географическими факторами: в районе имеется либо выход к Белому морю, либо район расположен в бассейне крупных рек (Северная Двина, Пинега). Одной из важнейших характеристик сформировавшегося при этом хозяйственного уклада является артельный рыболовецкий промысел, когда каждая артель состояла, как правило, из жителей отдельно взятой деревни. Таким образом, в ограниченный период промысла создается ситуация интенсивного контакта жителей соседних поселений (который обычно не бывает настолько интенсивным при традиционных сельскохозяйственных работах, «привязанных» к ближней к дому территории). Во время общей промысловой деятельности возникает единое географическое и экономическое пространство – а следовательно, и номинативное пространство становится общим, что приводит к необходимости дифференциации и номинации соседних коллективов. Во-вторых, следует учитывать и особый тип поселений на этой территории. Здесь распространены преимущественно крупные села, которые нередко удалены друг от друга на значительное расстояние; здесь нет характерной для многих районов Вологодской области интенсивной «филиации» поселений, когда на базе какой-либо деревни интенсивно возникают хутора, починки и т.п., что создает подвижность границ объектов номинации. На севере Архангельской области, напротив, эти границы весьма устойчивы, объекты номинации четко выделены. Таким образом, совокупность социально-бытовых факторов (особый хозяйственный уклад, общий промысел, структура и тип поселения) приводит к созданию зоны номинативной плотности в этих районах.

Скорее всего причины такого же характера повлияли и на создание еще двух ареалов повышенной номинативной плотности в зонах, где имеются обширные и значимые с промысловой точки зрения озера – и соответственно создаются условия для осуществ-

ления совместной работы жителей различных деревень (рыболовецкого промысла). Это характерно для бассейна озера Воже (Вожегодский и Кирилловский районы Вологодской области, Каргопольский и Коношский районы Архангельской области), а также Белого озера (Белозерский и Вашкинский районы Вологодской области). В перечисленных районах (возможно, сюда же следует отнести и Усть-Кубинский район Вологодской области, на территории которого находится Кубенское озеро) отмечается высокий процент коллективных прозвищ.

2. Для номинативной ситуации в некоторых районах РС, на наш взгляд, является релевантной другая причина экстралингвистического характера, которую можно квалифицировать как *этнокультурную*. Это замечание необходимо прежде всего отнести к так называемым «пограничным» районам, находящимся на окраинах исследуемого ареала и, следовательно, зачастую граничащим с зонами, где проживает нерусское население (или же включающим этнически неоднородное население). Данное утверждение может быть отнесено, например, к территории Белозерского района Вологодской области, где русское население проживает совместно с вепсским, и к территории Вилегодского района Архангельской области, который на востоке граничит с Республикой Коми. В такой «пограничной» ситуации реализация фундаментальной координаты *свое – чужое* фиксируется в отражении прежде всего «этнографических» различий. Глаз номинатора отмечает чуждость культуры соседей в особенностях одежды и обуви, гастрономии, бытовых привычек и т.п., а зачастую и во внешнем облике номинируемых (эти различия могут помочь реконструировать особенности заселения какой-либо территории, поскольку они, как правило, приносятся разными миграционными потоками¹). Если в обычных условиях такого рода различия тоже могут стать номинативным «раздражителем», то в ситуации этнического пограничья номинативная реакция на комплекс бытовых и антропологических различий неминуета и абсолютна.

3. На номинативные традиции в сфере коллективных прозвищ, безусловно, оказывают влияние и *собственно лингвистические причины* – в частности, традиции номинирования коллективов людей, характерные для различных контактирующих народов. Особый интерес в этом отношении вызывают зоны относительно недавних интенсивных контактов русского населения с финно-угорскими племенами. В исследуемом материале такие зоны, на наш взгляд, могут быть выявлены благодаря определенным группам коллективных прозвищ:

1) коллективные прозвища, образованные от этнонимов, которые, в свою очередь, делятся на две группы:

– этнонимы, называющие древние племена, проживавшие на территории РС (*чудь, зырь* и т.п.);

– этнонимы, номинирующие население других стран («чужого (внешнего) мира» (*американцы, китайцы, японцы* и др.). В данном случае не имеет значения, какой конкретно этнос привлекается для номинирования «странных» соседей, здесь идея чуждости выражается обобщенно, реализуя формулу «не такие, как мы»²;

2) коллективные прозвища, образованные от названий животных или птиц, которые, возможно, отражают традиции «темного» номинирования. Как известно, финно-

¹ Ср. работу Т.А. Бернштам, где сведения о духовной жизни, бытовом укладе, религиозных различиях нескольких групп населения Двинско-Важского ареала используются для выводов лингвистического и этнического характера: *Бернштам Т.А. Локальные группы Двинско-Важского ареала: Духовные факторы в этно- и социокультурных процессах // Русский Север: К проблеме локальных групп. СПб., 1995. С. 208–317.*

² При этом, разумеется, возможна и образная «поддержка» этой идеи (*американцы далеко живут, китайцы многочисленны* и т.п.).

угорские племена в эпоху фратриальных связей действительно имели тотемы, роль которых играли животные или птицы¹.

Скопления этих двух номинативных типов коллективных прозвищ, по нашему мнению, являются показателями субстратных зон. Так, например, учитывая антропонимические данные, такие субстратные зоны могут быть выделены на севере Архангельской области (Лешуконский и Мезенский районы), где ярко проявляется «птичья модель» (ср. прозвища жителей соседних деревень в бассейне р. Мезень – *зелезени, тетеры, кукушки, совы, вороны, дрозды, крохали, петухи*), и на юге Архангельской области (Устьянский и частично Вельский районы), где коллективное прозвище *зырь (зыряне, зыряки)* проявляет повышенную активность, прилагаясь к нескольким объектам номинации (на небольшой территории одного административного района насчитывается около 15 микроколлективов, носящих соответствующее наименование²). О своеобразии субстратного слоя этой же территории говорят и топонимические данные³.

4. Говоря о причинах и механизмах дистрибуции коллективных прозвищ на РС, нельзя не остановиться на *закономерностях наречения*, существующих в рамках антропонимической системы в целом. На наш взгляд, эти традиции прослеживаются в зонах ранней славянской колонизации – например, в Сокольском районе Вологодской области, где антропонимическая система сложилась относительно давно и на собственно русской почве. Прозвищный антропонимикон относится к таким именникам, в которых постоянно действуют механизмы обновления: если набор прозвищ сформировался относительно рано, то на его базе постепенно складывается официальная антропонимическая формула, при этом нейтрализуется характеризующая функция прозвища, которое начинает выполнять только дифференцирующую функцию. Естественно, что если все население деревни имеет одну и ту же фамилию (или две-три фамилии), то антропонимикон перестает выполнять функцию идентификации объекта номинации – и появляются предпосылки для развития прозвищной системы. Соответственно появляется потребность обновить именник, введя в него новые наименования с прозрачной внутренней формой, которые могли бы не только называть, но и характеризовать объект номинации. Поэтому на таких территориях система прозвищной антропонимии динамична и обладает богатым номинативным потенциалом во всех своих звеньях – как в сфере индивидуальных и семейных прозвищ, так и в сфере коллективных прозвищ. Таким образом, активность прозвищного имянаречения на некоторых территориях ранней колонизации можно объяснить внутрисистемными механизмами, обеспечивающими функциональную результативность именника.

Рассмотрев причины и характер номинативной дистрибуции коллективных прозвищ РС, выделив факторы, повлиявшие на соотношение зон высокой номинативной плотности и зон разреженности коллективных прозвищ на данной территории, отметим, что срабатывание описанных выше факторов носит вероятностный характер: для некоторых районов РС (например, Мезенского и Лешуконского) будет релеван-

¹ Данному вопросу посвящена обширная литература, назовем лишь некоторые лингвистические исследования: *Агапитов В.А.* Об орнитотопонимах островов архипелага Кижские шхеры (отражение родовых и фратриальных связей в топонимии Заонежья) // Заонежский сборник. Петрозаводск, 1992. С. 48–60; *Дмитриева Т.Н.* Медведь в лексике и топонимии казымских хантов // Ономастика и диалектная лексика: Сб. науч. тр. Вып. 2. Екатеринбург, 1998. С. 33–39.

² См. об этом: *Матвеев А.К.* Еще об этимологии этнонима *зырянин* // Этимологические исследования. Свердловск, 1984. С. 79–90.

³ См., например: *Матвеев А.К.* Субстратная топонимия русского Севера и мерянская проблема // Вопр. языкознания. 1996. № 1. С. 3–23; *Он же.* К проблеме расселения летописной мери // Изв. Урал. гос. ун-та. Гуманитарные науки. Вып. 1. 1997. № 7. С. 5–17.

тен весь комплекс причин или их большая часть, напротив, в других районах будет срабатывать лишь один из этих признаков. Тем не менее, на наш взгляд, все названные факторы имеют право на существование и могут рассматриваться как возможные при выявлении особенностей дистрибуции коллективных прозвищ на территории Русского Севера.

В.И. Супрун

АНТРОПОНИМЫ В ВОКАТИВНОМ УПОТРЕБЛЕНИИ

В нашем языкознании принято называть выделенную в аксиоматической функциональной триаде К. Бюллера (1879–1962) функцию обращения апеллятивной¹, что не вполне удобно, так как происходит омонимизация с прилагательным от термина *апеллятив* ‘имя нарицательное в противоположность имени собственному’². Видимо, русский термин возник под влиянием английского *appellative function of language*³. Сам К. Бюллер называл эту функцию *Appellfunktion*⁴, в чешской лингвистике этот термин перевели как *apelová funkce*⁵.

Вероятно, более точным русским соответствием этим терминам будет апелляциянная, или апеллирующая, функция. Ср.: *апелляция* <...> 2. Обращение за поддержкой, советом и т.п.; *апеллировать* <...> 2. Обратиться (обращаться) за поддержкой, советом и т.п. [СРЯ, 1, 41] Правда, СРЯ прилагательное *апелляционный* ограничивает употреблением только в юридическом значении, однако это можно объяснить ориентацией словаря на общеупотребительную лексику, отсутствием потенциальных (окказиональных) контекстов. Отметим, однако, что и в немецкой лингвистике иногда встречается терминосочетание *appellative Funktion*⁶. М.В. Сафронова назвала эту функцию К. Бюллера *обращающейся* [http://oipkro.nm.ru/Text/t37_237.htm].

Р.О. Якобсон выделял в языке фатическую (контактоустанавливающую) функцию⁷, которая сопредельна с референтивной (коммуникативной, денотативной, когнитивной). Контактоустанавливающими средствами выступают во всех языках вербальные единицы (включая нулевые) и паралингвистические (соматические) проявления, реализуемые различными действиями индивида (адресанта) с целью привлечения внимания собеседника (адресата)⁸.

Среди контактоустанавливающих вербальных единиц значительное место занимают антропонимы. Их функционирование в разных языках определяется интралингвистическими закономерностями и экстралингвистическими факторами. В целом антропонимия является ядерным разрядом в ономастическом поле любого языка, что можно опре-

¹ См.: Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М., 1990. С. 564.

² См.: Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. М., 1978. С. 37.

³ См.: Баранов А.Н. и др. Англо-русский словарь по лингвистике и семиотике. Т. I. М., 1996. С. 38.

⁴ См.: Metzler Lexikon Sprache / Hrgb. v. H. Glück. Stuttgart; Weimar, 1993. S.79.

⁵ См.: Akademický slovník cizích slov / Kol. autorů pod ved. V. Petráčekové a J. Krause. Praha, 1998. S. 63.

⁶ Metzler Lexikon Sprache. S.683.

⁷ Лингвистический энциклопедический словарь. С. 565.

⁸ Ван Цзиньлин. Обращения в типологически различающихся языках. Чанчунь, 2000. С. 26.